

СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ ЧЕЛОВЕКА В ПУБЛИЦИСТИКЕ П. Н. ТКАЧЕВА

В. Ю. Меринов

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
merinov@bsu.edu.ru*

В статье рассматривается социально-историческая типология человека в творчестве Петра Никитича Ткачева, народника, видного деятеля революционного движения второй половины XIX века.

Ключевые слова: Ткачев, публицистика, политика, типология.

П. Н. Ткачев был видным деятелем революционного движения второй половины XIX века. Кроме того, его отличала большая творческая активность. Как публицист, он выступал в журналах «Дело», «Русское слово», «Библиотека для чтения», «Набат», «Живописное обозрение», «Время», «Эпоха» и др. Несмотря на весьма впечатляющее тематическое и жанровое разнообразие сочинений П. Н. Ткачева, исследователи делают вывод о «цельном характере мироощущения П. Н. Ткачева. Действительно, верность нравственным и политическим принципам – одно из важнейших качеств в оценке им человека.

Исходя из предположения о семантической и политической цельности творчества, мы проведем анализ подтверждающую эту мысль на формально-содержательном уровне. Для этого мы выделим сквозные тематические элементы и рассмотрим их структуру.

Основной структурно-семантической единицей в творчестве П. Н. Ткачева является пара противоположных элементов – бинарная конструкция. Оба элемента этой конструкции не просто противостоят друг другу, в аксиологическом (ценностно-нравственном) пространстве они разнесены на максимально возможное расстояние. Это довольно жесткая схема, не предполагающая срединных элементов (мостов, переходов).

Определяет всю цепь дальнейших размышлений и выстраивает под себя структурно-содержательные элементы всего творчества Ткачева, базовая биполярная схема – пара основополагающих темпорально-аксиологических концептов: Прошлое (отжившее, бесперспективное) – Будущее (живое, перспективное).

Кажется, что единственной точкой, соединяющей эти понятия – должна быть Современность. Однако это не так. И в Современности Прошлое и Будущее несоединимы, они разведены по разным полюсам. Борьба Прошлого с Будущим – составляет основу политического противостояния Современности. Таким образом, насыщая эти хронотопы аксиологическими характеристиками, П. Н. Ткачев переносит конфликт из сферы политики (с её возможностью договора, соглашения) в сферу с абсолютными нравственными значениями, в сферу борьбы Добра и Зла. Так, получается схема, имеющая вполне определенные черты религиозной системы, главное содержание которой составляет великая борьба Дьявола с Богом.

Общество, сформированное в прошлом, на основе прошлого миропонимания – это общество войны. В основу этого общества, по мнению П. Н. Ткачева, был положен «принцип войны». Это, по мнению П. Н. Ткачева, был «... весьма выгодный и полезный принцип для властей, потому они во все время исторического существования человечества не переставали изоощрять свое остроумие, выдумывая всевозможные средства, как бы подольше его сохранять и укреплять» [4, с. 120].

Как считал П. Н. Ткачев, средства эти были двух родов: физические и нравственные. К первым он отнес «рабство, оковы, плахи, пытки, тюрьмы и тому подобные способы и виды грубого материального насилия». Ко вторым – «нравственные пытки, суеверия и предрассудки, умышленно распространяемые и поддерживаемые в массах хитростью, лукавством или обманом». П. Н. Ткачев пишет: «Средства второго рода пускались обыкновенно в ход в тех случаях, когда ослабевали средства первого рода. А ослабевали они, разумеется, не по желанию и доброй воле победителей; победители бы, пожалуй, всегда рады видеть их укрепляющимися и совершенствующимися, но логика фактов, логическое развитие данных принципов экономического быта устраняли их, делали их неудобоприменяемыми и даже вредными. Рабов легко было держать в страхе и повиновении с помощью бичей, крестов, цепей и тому подобных укротительных мер; потому римские рабовладельцы любили и лелеяли рабство как самый лучший и драгоценный институт древнего мира. Однако в конце концов им пришлось от него отказаться» [4, с. 120].

При такой трактовке социального устройства общества Прошлого неудивительно, что акт расставания с ним имеет для П. Н. Ткачева едва ли не сакральный характер – расставания с Грехом, очищения. Его должна совершить Революция. Революция есть зона окончательного и бесповоротного разрыва между плохим и хорошим временами. Революция, как архангел Михаил, решительно и бесповоротно свергнет Прошлого – Сатану в историческое небытие.

Вопрос состоит в том, чтобы определить, а что, собственно, объявлено отжившим, и что предложено обществу как живое и перспективное. Темпорально-аксиологическая схема: «прошлое – будущее» пронизывает всё творчество П.Н. Ткачева. Постепенно она обрастает социологическими, антропологическими, политическими, нравственными, экономическими характеристиками (составляющими).

Антропологическая диада: «дикарь» – цивилизованный человек

В работах П. Н. Ткачева выстраивается четкая логическая линия представителей (людей), отношений, явлений Прошлого и Будущего. Основа человеческой жизни – мышление. На нем базируется способ познания мира. В своих моделях, как антропологических, так и социологических (человек и общество) П. Н. Ткачев, как правило, закладывает гносеологический принцип. Главенствующий тип мышления (способ познания мира) определяет и тип общества, и человеческую типологию.

В мире Будущего – мышление рационально. Поэтому его представитель – цивилизованный человек. Так, цивилизованный человек к явлениям общественной жизни должен относиться «критически»: «... единственно возможный метод изучения явлений социального быта – пишет П. Н. Ткачев, - это метод критический, причем, само собой разумеется, что эта критика должна быть толковой и всесторонней, не должна ограничиваться одной поверхностью дела, а должна стараться, разлагая явления аналитически, доискиваться основных причин, обуславливающих их возникновение и развитие. Такой разумный аналитико-критический метод не раз уже был применяем к изучению явлений социальной жизни и привел ко многим открытиям ...» [3, с. 99].

В мире Прошлого – правит образно-мистическое и нерациональное мышление. Его представитель – «дикарь». Дикарское первобытное мышление, по мнению П. Н. Ткачева, составляет некое типологическое единство с мистико-религиозным, художественно-поэтическим, философско-мистическим постижением мира.

На основе подобного понимания, в творчестве П. Н. Ткачева выстраивается и антропологическая типологическая лестница. На этой лестнице можно выделить несколько уровней: социально-исторический, эмоционально-волевой, политический. Все эти уровни подведены под одну нравственную основу. Именно она является последним и главным критерием оценки типов. Представители Прошлого – безнравственны, аморальны, порочны, подлы. Представители Будущего – благородны, великодушны и т. д.

Социально-историческая типология (в рамках антропологической диады «дикарь» - цивилизованный человек)

Если искать человека прошлого, так сказать, в чистом и незамутненном виде, то – это человек именно исторического прошлого: «дикарь» – первобытный человек. Он «мыслит» образами, у него практически отсутствует абстрактное мышление. В голове «дикаря» идеи влачили «бедное существование в угрюмой изолированности» [2, с. 538]. А вот «... чувственные образы вступали между собой в самые разнообразные отношения: обобщались, дифференцировались, видоизменялись и т. п. Отсюда то обилие образов и та бедность идей, которые поражают нас в мирозерцании дико-го; отсюда же богатство его символистики, политеистический характер его религии, разнообразие его мифологии [2, с. 538].

Первобытному человеку противостоит человек цивилизованный. Его мышление рационально. Отсюда разница в самом характере памяти – основы мышления: «Если память человека цивилизованного состоит главным образом из «следов» ассоциаций мысли с мыслью, понятия с понятием, т. е. из следов деятельности по преимуществу мыслительных клеток, то память дикого состоит, напротив, главным образом из следов чувственных и мысле-чувственных ассоциаций. Вследствие этого дикий запоминает по преимуществу чувственный образ, чувственные восприятия...» [2, с. 538 – 539].

Дикий человек почти никогда не может запомнить чисто отвлеченных знаков, т. е. идей без образов « Он высказывает величайшую тупость ко всем абстрактным понятиям, потому что эти понятия слагаются из следов идейных ассоциаций, а их у него очень мало и они слишком непрочны, чтобы долго сохраниться в памяти» [2, с. 538 – 539].

Как считает П.Н. Ткачев, «... В течение многих веков своего исторического развития человеческому уму приходилось бороться с трудностями почти непреодолимыми; на каждом шагу его опутывали искусно сплетенными сетями отцовских предрассудков и дедовских глупостей; па каждом шагу его встречали новые капканы и новые преграды» [4, с. 119].

Несмотря на то, что абстрактное мышление завоевывает все большее антропологическое пространство, дикарская его часть всеми силами продолжает, по мнению П. Н. Ткачева, цепляться за Современность. Люди, не способные к адекватной интеллектуальной деятельности, нерационально мыслящие – не только существовали в прошлом, но и проникли в настоящее. Кто же эти люди?

Один из таких социально-исторических типов – человек религиозный. Он является естественным защитником иррационального типа мышления. Этот социально-исторический тип в свою очередь делится на два подтипа: церковник и простой верующий.

Церковник, сам, будучи носителем иррациональной мысли – веры, снижает уровень мышления в зоне своего влияния. «Железные оковы (*рабства* – М.В.) спадали с людей, нужно было заменить их чем-нибудь не менее действительным; явилась нужда в содействии черных ряс. И это содействие не заставило себя долго ждать. Черные рясы рады были оказать услугу, и услуга была как нельзя более кстати; кроме внутренних, экономических, изменений, потрясавших в самом принципе древнее общество римлян, нападения извне ослабили и окончательно расшатали весь этот мнимый порядок законного грабительства и юридического крючкотворства. Казалось, все готово было рухнуть, казалось, новая жизнь, новый свет готов был проникнуть в роковой сумрак хаотически бродящего общества. Тогда- то раздалось это ужасное слово: стой и не двигайся!

Крик этот был принят за благую весть; Рим сделал его своим девизом, и тысячи чернорясников напрягли все свои силы, чтобы призыв не остался без действия, чтобы все остановилось и не двигалось» [4, с. 122 – 124].

В средние века, считает П. Н. Ткачев, «... началось систематическое наступление и развращение человеческой мысли; ее пугали призраками и привидениями, ее опутывали топкой сетью самых грубых нелепостей и предрассудков. <...> Католичество царило везде и над всем единодержавно и безраздельно. Оно вполне гармонировало с потребностями тогдашнего общества; оно проникало во все, так сказать, поры общественной жизни, окрасило своим цветом все учреждения средневековой Европы. Корпорации, гильдии, феодальная система, монархия, даже народные обычаи и общественные удовольствия были взяты под опеку католичества, усвоили себе его мироозерцание, пропитались его тенденциями» [4, с. 122 – 123].

Именно религиозный человек несет основную ответственность за возрастающую динамику насилия в обществе. Жестокость и интенсивность преследований растет, по мнению П. Н. Ткачева, пропорционально с развитием догматической стороны религии: «В первом веке, когда догма еще не получила никакой определенной формы, когда почти не существовало никакой теологии, когда, следовательно, человеческая мысль и человеческие убеждения не подгонялись насильственно ни под какие внешние нормы, людям не из-за чего было ссориться и преследования были невозможны. Но по мере того как верования принимали характер замкнутой, вполне и до малейших подробностей определившейся догмы, уклонения и отступления от правoverия стали встречаться все чаще и чаще и вследствие этого все чаще и чаще представлялись поводы к гонению и преследованию. По мере того как догма становилась замкнутее и определеннее, ее притязания на абсолютную непогрешимость и всеобщую обязательность делались все неуступчивее и задорнее. В XII в. развитие догмы достигло своей кульминационной точки; потому нечего удивляться, что и преследования, начавшиеся с этого века, превзошли самые пламенные ожидания и желания святых отцов III и IV вв.» [4, с. 123].

Это общество отличает крайняя степень насилия. Важным инструментом и одновременно вдохновителем общества, основанном на насилии, является церковь. П. Н. Ткачев изображает церковников исключительно как карателей и изуверов. Так, «Августин и другие великие столбы христианской церкви» требовали «... обращения язычников в христианство во что бы то ни стало, оправдывали и освящали своим благословением всякие гонения и жестокости» [4, с. 124].

Во имя призрачных идей они устанавливают террористический режим и своей властью освящают его. «Тот, кто на земле много терпел и страдал, получал право на вознаграждение в небесах. Разумеется, при таком аскетическом воззрении на человеческую жизнь крест, плаха и костер считались ступенями к раю. В кодексе Феодосия насчитывалось 66 постановлений против еретиков кроме бесчисленного множества узаконений против язычников, евреев, апостатов и магиков. Кровь всех этих несчастных лилась неиссякаемыми потоками во все продолжение II, III, IV и отчасти V вв. И это чудовищное кровопускание не осталось без последствий. Грешник одумался и обратился на путь истины» [4, с. 124].

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что на основе специфического (бинарного) мироощущения, аксиологической разнесенности категорий Прошлого и Будущего, в творчестве П. Н. Ткачева выстраивается и антропологическая типологическая лестница. Социально-исторический типологический уровень представлен, по крайней мере, двумя типологическими парами: дикарь – цивилизованный человек и рационально мыслящий человек – человек религиозный.

Список литературы

1. Меринов В. Ю. Периодизация творчества, тематико-идеологические и жанровые особенности публицистики П. Н. Ткачева // Научные ведомости БелГУ. Серия Гуманитарные науки. – № 13 (184).

2. Ткачев П. Н. Идеализм и реализм в области права // Ткачев П.Н. Сочинения. В 2-х т. Т. 1. Общ. ред. А. А. Галактионова, В. Ф. Пустарнакова, Б. М. Шахматова. Вступит. статья В. Ф. Пустарнакова и Б. М. Шахматова. — М.: Мысль, 1975. — С. 529 – 558.

3. Ткачев П. Н. Рец. на кн.: Жуковский Ю. «Политические и общественные теории XVI века» и «Прудон и Луи Блан». (1865) // Ткачев П. Н. Сочинения. В 2-х т. Т. 1. Общ. ред. А. А. Галактионова, В. Ф. Пустарнакова, Б. М. Шахматова. Вступит. статья В. Ф. Пустарнакова и Б. М. Шахматова. — М.: Мысль, 1975. — С. 99 – 109.

4. Ткачев П. Н. Очерки из истории рационализма. (1866) // Ткачев П. Н. Сочинения. В 2-х т. Т. 1. Общ. ред. А. А. Галактионова, В. Ф. Пустарнакова, Б. М. Шахматова. Вступит. статья В. Ф. Пустарнакова и Б. М. Шахматова. — М.: Мысль, 1975. — С. 119 – 156.

A SOCIAL HISTORICAL TYPOLOGY OF MAN IN TKACHEV'S PUBLICISM

V. Y. Merinov

*Belgorod State
Research University*

*e-mail:
merinov@bsu.edu.ru*

The article discusses a social historical typology of man in creativity of Pyotr Nikitich Tkachev who was one of the main members of narodniks revolutionary movement in the second half of the XIX-th century.

Keywords: Tkachev, publicism, policy, typology.

СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ ЧЕЛОВЕКА В ПУБЛИЦИСТИКЕ П.Н. ТКАЧЕВА

В. Ю. Меринов

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
merinov@bsu.edu.ru*

В статье продолжается исследование социально-исторической типологии человека в творчестве Петра Никитича Ткачев, народника, видного деятеля революционного движения второй половины XIX века.

Ключевые слова: Ткачев, публицистика, политика, типология.

Данная статья является продолжением исследования социально-исторических типов человека в творчестве яркого отечественного публициста и революционера П. Н. Ткачева [см. 1]. В рамках общей антропологической диады: «дикарь» (иррационально мыслящий), – цивилизованный (рационально, критически мыслящий) человек, в сочинениях П. Н. Ткачева «выстраивается четкая логическая линия представителей (людей), отношений, явлений Прошлого и Будущего» [1]. Представители Прошлого и Будущего разнесены в аксиологическом пространстве на разные полюса (абсолютное Зло и абсолютное Добро) и имеют четкую социально-историческую маркировку. Ранее, мы выявили начало этого типологического ряда в следующих социально-исторических типах: первобытный человек – человек религиозный (его подтипы: церковник и простой верующий) и противостоящий им человек цивилизованный

Следующий тип, представленный в трудах П. Н. Ткачева, это современный «дикарь» – философ-идеалист (подвид теософ). Его антагонист – «здравомыслящий человек», или человек науки. Как и первобытный дикарь, философ – глуп, легковверен, тёмнен. «... Философы весьма тупы и туги на убеждения» – уверен П. Н. Ткачев [2, с. 110]. «Серьезно заниматься философией, – считает П. Н. Ткачев, – может теперь или человек полупомешанный, или человек дурно развитый, или крайне невежественный. К сожалению, в ученых рангах такие люди составляют самое обыкновенное явление» [2, с. 109]. Философия окончательно потеряла свой «кредит» доверия. Почему? А потому, что «В настоящее времяНикто уже не верит в ее шарлатанские обещания, никто не предается ей с тем страстным увлечением, с каким это делалось прежде и с каким еще и теперь сотни тружеников посвящают себя этой ученой эквилибристике» [2, с. 109].

По мнению П.Н. Ткачева, само занятие таким пустым делом как философия не может нравиться «здравомыслящему человеку». Здравомыслящий человек, если и обращает своё внимание на философию, то это делается единственно только для того, только, «... чтобы или посмеяться над ней, или кольнуть» философов «... за их упорную глупость и их удивительное легковверие» [2, с. 109].

Так что же делать с философией и философами? Может оставить их в покое, разрешить тешить ум безделками? Пусть переводчики переводят, к примеру, Гегеля, и вместе с философами «потешаются и набивают себе голову всем, чем угодно, – нам какое дело» [2, с. 110] – спрашивает П. Н. Ткачев. Ответ на этот вопрос вполне вписывается в общую биполярную схему рассуждений в рамках противопоставления вредного Прошлого и прекрасного Будущего. Только «легкомысленным», недалёким людям может показаться, что переводы и авторы философских трактатов «совершенно безвредны». Философы отвлекают людей от действительности, уносят их в безжизненные теоретико-мистические дали. Кроме того, философы «паразиты» общества, они забирают «последние гроши» у чернорабочего, а «... взамен взятых грошей не дают черно-

рабочему ничего, кроме печатных листов, испачканных какими-то глупыми, лишеными человеческого смысла фразами. Разве это не значит платить фальшивыми жетонами за настоящее золото?» – вопрошает П. Н. Ткачев [2, с. 110]. А раз так, то, как считает П.Н. Ткачев, до тех пор, пока есть люди, занимающиеся философией, пишущие и печатающие философские трактаты и рассуждения, «... до тех пор другие, более здравомыслящие люди не должны переставать доказывать этим паразитам, что работа их равняется плевкам в потолок и что подобная эксплуатация человеческой глупости безнравственна и возмутительна» [2, с. 110]. Поэтому, по мнению П.Н. Ткачева, не только не стоит самому заниматься философией, но и тратить время на её исследование, даже с критических позиций. Так, делая рецензию на книгу приверженца позитивистского подхода к философии, западного автора Льюиса «История философии», П. Н. Ткачев упрекает последнего и в излишней, на его взгляд, детализации исследования и даже некоторой увлеченности исследователя своим предметом. «Льюис, по мнению П. Н. Ткачева, – не везде остается строго верным своей цели; ученый дилетантизм часто увлекает его в сторону, и он, ... нередко с умыслом и безо всякой надобности углубляется в непроницаемые дебри философского леса. Бродить по «безысходному лабиринту» философии, видимо, доставляет ему немалое удовольствие. И, читая его «Историю», можно иногда забыть, что ее пишет человек, внутренне убежденный в несостоятельности всякой философии и «не верующий в возможность метафизической достоверности». П.Н. Ткачеву жаль труда и потраченного времени специалиста-исследователя: «... игра не стоила свеч, что нерасчетливо было посвящать несколько лет жизни раскапыванию необъятных куч философского мусора. [накопившихся] в несколько веков» [2, с. 110].

Интерес к философии, считает П. Н. Ткачев, должен стать историческим, антикварным: «Льюис, как я сказал, смотрит на философию так, как следует смотреть на нее всякому трезвому и разумному человеку. Он признает за ней в настоящем только чисто историческое значение, он не верит в ее прогресс, он отрицает ее будущее» [2, с. 111).

Само издание книги, исследующей философские взгляды, оправдано только прагматико-идеологическими задачами, которые поставил перед собою её автор: оказать поддержку общему «... возрастающему пренебрежению к философии и возрастающему предпочтению науки» [2, с. 111]. С учетом этой цели русскому читателю, полагает П. Н. Ткачев, достаточно перевести не весь текст книги. Книга автора, вполне совпадающая со взглядами самого П. Н. Ткачева и журнала «Русское слово», («Действительно, уж если знакомить публику с философией, то лучше всего знакомить ее по Льюису»), «... должна бы была появиться в русском переводе совсем не в том виде, в каком теперь она появилась» [2, с. 111]. Из нее, предлагает П. Н. Ткачев, надо было «... выкинуть все те мелкие биографические подробности, все те неважные частности и неинтересные рассуждения о различных микроскопических деталях, которыми Льюис так любит иногда блеснуть перед читателями. Тогда основная цель автора «Истории философии» выступила бы рельефнее, определилась бы яснее и несостоятельность самой философии, и в то же время самое издание книги значительно удешевилось бы, круг ее читателей расширился бы, и она сделалась бы и общепонятнее и общедоступнее» [2, с. 111].

П. Н. Ткачев, считал, что философия ставит перед собой «неразрешимые задачи», и «... блуждая в неведомом мире «причин и сущностей», недоступных человеческому пониманию», не имеет ничего общего с «положительной» наукой [2, с. 111]. Наукой она может быть названа разве только в насмешку. «... Отсюда не следует заключать, – пишет П. Н. Ткачев – как это многие делают, будто коренное различие между наукой и философией состоит в том, что первая черпает свои выводы из наблюдения фактов окружающей действительности, вторая – из глубины человеческого духа. И та и другая наблюдают факты и из этих наблюдений строят свои выводы. Разница только в способах отношения к этим фактам» [2, с. 111]. Как полагает П. Н. Ткачев: «Наука относится к ним критически, она не делает ни одного шага без анализа и проверки и, медленно подвигаясь вперед, всегда переходит от известного к неизвестному.

Совсем не то с философией: философия не может ни критиковать, ни поверять своих посылок. Посылки ее — вымыслы, и единственной гарантией этим вымыслам может служить только вера в непогрешимость ума философов» [2, с. 111]. Но чтобы возыметь веру в эту непогрешимость, русский революционер-народник считает, что «... нужно быть по меньшей мере идиотом. Ведь непогрешимость была до сих пор только уделом пап, а между папами и философами по мепыней мере такая же разница, как между вызывателями духов и канатными плясунами» [2, с. 111].

А между тем, без этой веры в непогрешимость философия, по мнению П. Н. Ткачева немыслима. В этом отношении между философией и теософией нет и не может быть различия. «Вместо того чтоб объяснять мир окружающих, но еще неизвестных явлений с помощью каких-нибудь известных достоверных данных, — пишет П. Н. Ткачев — философ старается приискать для их объяснения невероятные гипотезы, о правдоподобности которых мы так же мало знаем, как и о самих явлениях» [2, с. 111].

Следующая пара — писатели-метафизики, авторы философско-консервативных романов — им противостоят писатели-«реалисты».

Этот тип «дикаря» ставится П. Н. Ткачевым на одну доску с философами. По мнению П. Н. Ткачева, «... к занятию философией нельзя относиться вполне индифферентно, как нельзя относиться индифферентно к полицейско-эротическим романам гг. Крестовского, Стебницкого (Н. С. Лескова — М. В.) или к художественно-бесцельным произведениям г. Толстого (имеется ввиду А. К. Толстой, автор, «Князя Серебряного». «Смерти Иоанна Грозного» и т. п. — М. В.)» [3, с. 541]. Как полагает публицист, и философия, и романы Крестовского и Стебницкого, и трагедии Толстого одинаково бесполезны, более того, они вредны. Они отвлекают ум от серьезной деятельности, от серьезных вопросов, «... они ослабляют его наркотическими вымыслами и не способствуют ни на одну йоту прогрессу мысли; напротив, они развращают эту мысль, дают ей такое направление, при котором она теряет способность к производительной деятельности. А между тем эта философия, эти романы и повести оплачиваются производительным трудом общества» [3, с. 541].

Одним из самых одиозных, но и самых успешных и талантливых идеологов этого направления в искусстве, П. Н. Ткачев считает Ф. М. Достоевского. Именно в силу своей неординарности и талантливости, Ф. М. Достоевский рассматривается П. Н. Ткачевым как чрезвычайно опасный противник. Рассмотрению творчества Ф. М. Достоевского П. Н. Ткачев уделяет особенно много места в своих работах.

Другой современный инвариант «дикаря» — поэт. П. Н. Ткачев перебрасывает исторический мостик от «миросозерцания первобытного фетишиста», через типы мистика и церковника к «миросозерцанию современного поэта». В них, по мнению революционера, «преобладает тот же тон». В обоих случаях «...мы видим то же господство мысленно-чувственной над мысленно-волевой реакцией». А если так, «то мы не можем не отнести его к одному типу с типом миросозерцания дикаря» [3, с. 542]. Мысля в категориях временности Прошлого, П. Н. Ткачев полагает, что на поэзию и искусство вообще нужно смотреть как на явление чисто историческое, временное, преходящее, имеющее свое основание лишь в «... недостаточности или, лучше сказать, в слабости умственного развития человечества».

Отсюда логика той же точки зрения заставляет нас признать, что с устранением этой «недостаточности» или этой слабости, с окончательным переходом человеческого ума из низшей стадии развития в высшую искусство, поэзия, в общепринятом смысле этих слов, должны исчезнуть из нашей цивилизации, как исчезла метафизика, эта переходная (и потому весьма недолго существовавшая) ступень от поэзии к науке или, как бы выразился Конт, от фетишизма к позитивизму» [3, с. 542]. Поэзии (Поэту), как и её предшественницам, — философии — метафизике и религии, противостоит Наука (Ученый).

Список литературы

1. Меринов В. Ю. Социально-историческая типология человека в публицистике П. Н. Ткачева // Научные ведомости БелГУ. Серия Гуманитарные науки. № 13 (184). Вып. 22 – С. 218 – 222.
2. Ткачев П. Н. Льюис Д. Г. История философии от начала ее в Греции // Ткачев П. Н. Сочинения. В 2-х т. Т. 1. Общ. ред. А. А. Галактионова, В. Ф. Пустарнакова, Б. М. Шахматова. Вступит. статья В.Ф. Пустарнакова и Б.М. Шахматова. – М.: Мысль, 1975. С. 109-115.
3. Ткачев П. Н. Идеализм и реализм в области права // Ткачев П.Н. Сочинения. В 2-х т. Т. 1. Общ. ред. А. А. Галактионова, В. Ф. Пустарнакова, Б. М. Шахматова. Вступит. статья В. Ф. Пустарнакова и Б. М. Шахматова. – М.: Мысль, 1975. – С. 529 – 558.

SOCIAL HISTORICAL TYPES OF THE MAN IN TKACHEV'S PUBLICISM

V. Yu. Merinov

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
merinov@bsu.edu.ru*

The article continues the research of social-historical typology of the man in works of P. N. Tkachev, a narodnik, an outstanding revolutioner of the second part of the XIXth century.

Keywords: Tkachev, publicism, politics, typology.